

ГЛАВА 2. БЕДСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Сборы были недолги. В назначенный день Чжуан Шаогун пришел в Северный двор, остановился перед кабинетом отца и отвесил глубокий, почтительный поклон.

— Отец, я уезжаю. Берегите себя.

Внутри кабинета за столом сидел статный мужчина средних лет. Его кисть уверенно порхала над бумагой, выписывая изящные иероглифы. Лишь на мгновение он поднял взгляд — суровый, но смягченный затаенной нежностью, — словно обращался не к сыну, а к курильнице с благовониями на краю стола:

— А в родовой кумирне ты был? Поклонился предкам?

— Был, отец, — с готовностью отозвался Шаогун. — Я сообщил им о своем отбытии, испросил благословения на дальний путь и возжег три благовонные палочки.

— Хорошо. А в Восточном флигеле прибрался?

— Все чисто, отец. Я сам сварил кашу с лепестками османтуса. Когда матушка проснется, Ин-эр подаст ей завтрак.

— И это хорошо. Однако тебе все же стоит зайти к матери и выслушать ее наставления. Иначе всё ее недовольство падет на ни в чем не повинных слуг.

Шаогун послушно исполнил волю отца. Войдя в опочивальню, он опустился на колени у самой кровати. Мягкая рука отодвинула расшитый полог и легла ему на плечо. Матушка Юй-ши полулежала на подушках; рядом с ней на шелковом одеяле покоилась книга.

— Матушка, вы проснулись? Глава Союза Неба и Земли разослал приглашения на турнир — он ищет мужа для своей дочери. Я приглашен... Между Яншо и Цзиньлином тысячи ли, боюсь, я не смогу заботиться о вас несколько месяцев. Мне горько расставаться с вами.

— Знаю, дитя моё, — голос Юй-ши звучал нежно. — Ты еще слишком юн и неопытен, смотри не опозорься. Когда увидишь главу Е, скажи лишь, что твой отец глубоко чтит его достоинства, а я, твоя мать, искренне восхищена его дочерью. Сам же помалкивай — ты еще не в том чине, чтобы вести долгие беседы.

— Я всё понял, матушка. Буду благодарен.

— Ты рос в холе и довольстве, — продолжала она, — так что дорожные тяготы пойдут тебе на пользу. Одно лишь меня заботит... Ты берешь с собой Умина.

Шаогун уловил в её голосе тревогу:

— Что-то не так?

Юй-ши взглянула на водяные часы-клепсидру у окна и сочувственно вздохнула:

— Всё так, сынок. Просто «Бедствие болезни», твой Умин, обычно просыпается не раньше полудня. А до него еще добрых два стражных часа.

Два часа спустя беловолосая женщина, чьё лицо казалось старческим вопреки годам, распахнула окно в восточной пристройке.

Небо сияло лазурью, солнце стояло в зените. В саду, прямой и неподвижный, точно стебель бамбука, замер мужчина. Тень от листвы османтуса пятнала его небесно-голубой плащ, на плечи тонким слоем ложились опавшие лепестки.

— Наш молодой господин болен на всю голову, — проворчала женщина, выливая за окно остатки вчерашнего отвара. — Глаз не сводит с этой Юй Линлун. Стоит столбом уже два часа. Неужели он думает, что дочери семьи Е понравится такой неотесанный чурбан?

Стоявший у стола Усинь в белоснежных одеждах затягивал узлы на дорожной суме.

— Что ты понимаешь? Слышала историю о генерале, который высасывал гной из ран своих солдат?

— Не слышала, — честно призналась женщина.

— Был когда-то полководец, — начал Усинь своим холодным, певучим голосом. — Он ел и спал вместе с рядовыми. Когда один из них занемог от зловонной язвы, генерал лично высосал гной. Мать того солдата, узнав об этом, горько разрыдалась. Оказалось, много лет назад этот же генерал так же спас её мужа. Чтобы отплатить за доброту, отец солдата бросался в самую гущу боя и погиб. Теперь пришел черед его сына отдать жизнь за «милость» командира.

— Хочешь сказать, это хитроумный план, чтобы купить верность? Но сколько бы молодой господин ни старался, у Старшего брата — как у мертвеца — лишь одна жизнь. Он не сможет умереть за него дважды.

— Глупая. Наш молодой господин добивается того, чтобы Старший брат потерял покой и начал вставать пораньше. Когда один человек начинает менять свои привычки ради другого, он незаметно для самого себя вязнет в этой пучине долга. Он перестает принадлежать себе. В

этом и кроется истинный ужас человеческих привязанностей.

Однако Умин вовсе не терял покоя. Он открыл глаза только после полудня и неспешно, с ленцой, сунул ноги в сапоги.

Шаогун ждал его всё это время — по совету матери он надеялся, что его присутствие пробудит в слуге стыд. Но он лишь безучастно наблюдал, как в комнату внесли горячую еду, а спустя время вынесли идеально чистые тарелки.

Наконец дверь отворилась.

Юноша по имени Умин явился на пороге — вялый, помятый, в коротком дорожном платье, которое висело на нем мешком.

Шаогун на мгновение оторопел. В голове всплыли книжные строки: «Хрупок, точно майская ива; одежда тяготит его плечи».

Казалось, этот юноша рухнет от легкого дуновения ветра. Стоять ему было тяжелее, чем лежать. Он сделал два шага, достал платок и закашлялся. К тому времени, как он подошел к Шаоуну, кашель повторился раз двадцать.

«Неужели слухи не врут? — пронеслось в мыслях у Шаогуна. — Неужели главарь Пяти Бедствий — обычный чахоточный доходяга?»

— Мне на ум пришла одна мудрость, — вздохнул Шаогун, подавляя желание подхватить беднягу под руку.

Умин медленно перевел взгляд на Усиня. Тот мгновенно истолковал:

— Уверяю, это не комплимент.

— Совершенно верно, — подтвердил Шаогун. — Сказано: праздность порождает лень, а лень — болезнь. Умин, ты можешь быть наделен великим талантом, но если ты не утруждаешь тело и путаешь день с ночью, ты сам себя губишь. Ты слаб и духом, и плотью лишь потому, что не знаешь меры в отдыхе. Я прав?

Шаогун говорил от чистого сердца. По его книжным понятиям, все недуги шли от дурного образа жизни. Видеть, как столь юное создание угасает от чахотки, было невыносимо.

Умин выслушал его, медленно — словно через силу, но удивительно твердо — проследовал к воротам и забрался в карету.

Усинь бросил на ходу:

— Молодой господин, Старший брат просил передать: это была не одна мысль, а целых пять. Поехали.

В этот миг ледяной порыв ветра пронесся по двору, подняв тучи пыли. Где-то вдали раздался протяжный, жуткий вой.

Шаогун вскинул голову, гадая, что за зверь мог издать такой звук, как вдруг неведомая, чудовищная сила подхватила его и зашвырнула в карету. Внутри уже сидел Умин, на козлах замер возница.

— Старший брат, береги себя! — донесся извне голос Усиня.

Кони заржали, рванув с места.

Позади остались межевые столбы Яншо, дома на сваях и горы Линнаня. Миновав Линчуань, путники достигли Яньгуани — ключевого узла на пути между царствами Чу и Юэ.

Чжуан Шаогун, впервые в жизни оказавшийся так далеко от дома, внезапно осознал, как велик и бескраен этот мир. Случись ему остаться одному, он бы вовек не нашел обратной дороги. Мысли о суровом отце и доброй матери кольнули сердце — всё привычное и родное таяло, как призрачный дым.

«Как я вообще здесь оказался?» — спохватился он, ощущая нарастающую тревогу.

Возницу он в глаза не видел, а Умина, сидящего напротив, знал всего второй день.

«Вдруг они задумали недоброе? — мелькнула пугающая мысль, но он тут же устыдился её. — Тот, кто подозревает других, сам в душе лукав».

Но даже если они преданы ему до гроба, что они сделают против лесных разбойников? Погибнуть в глуши, не успев почтить родителей... При мысли об этом у Шаогуну защипало в носу.

Умин сидел с открытыми глазами, безучастно глядя на него. Шаогун сглотнул ком в горле, напоминая себе, что мужчине не пристало ронять слезы.

Внезапно повозку тряхнуло, и она резко остановилась.

— Беда, — раздался глухой голос возницы. — Путь преградили.

Шаогун вцепился в раму окна. Сердце колотилось, точно пойманная птица. Неужели сглазил?

— Слушайте, те, кто внутри! — прогремел снаружи грубый голос. — На пути у вас Хэ Ваньли по прозвищу Преграждающий путь тигр с горы Байчжан! По нашим законам мы не трогаем путников издалека и не грабим честных людей без нужды. Выходи, пугало, назовись, покажи лицо! Если хочешь миром — выкладывай товар и проваливай!

Возница спокойно ответил:

— Придержи коней, приятель. Мой хозяин — птица не того полета, чтобы ты его за хвост дергал.

— Не того полета? — из леса долетел издевательский хохот десятков глоток.

У Шаогунa похолодело внутри. Он глянул на Умина — тот и бровью не повел, лишь прижал платок к лицу.

«Даже если он мастер боевых искусств, против такой оравы ему не выстоять, — рассудил Шаогун. — К тому же Уянь говорила: каждый раз, когда эти „Бедствия“ пускают в ход силу, их жизнь сокращается на десятилетия».

За спасение пришлось бы заплатить слишком дорого.

Лихорадочно соображая, Шаогун спрятал несколько серебряных слитков под сиденье, а основной узел с вещами вышвырнул в окно:

— Слышал я про вашу доблесть: не трогать тех, кто издалека, и честных людей. Совесть наша чиста, и людей мы не боимся. Сказано: в жизни должно быть место подвигу, а в душе — капле доброты. К чему эти угрозы? Забирайте деньги, но не задерживайте нас в пути!

— Ого, — хохотнул верзила Хэ Ваньли. — Судя по голосу, там у нас нежный господинчик? Ишь, какой щедрый!

— Тьфу! Терпеть не могу этих лощеных сынков, у которых язык без костей! — гаркнул кто-то из разбойников. — Только и знают, что в чиновники лезть да кровь из народа сосать. Кончать его надо, пока не заматерел!

Хэ Ваньли примирительно поднял руку:

— Слушай сюда, господинчик. Твоего серебра на всех моих братьев не хватит. Я зря кровь не проливаю. Выходи сам, пойдешь со мной на гору Байчжан. Пусть родители пришлют выкуп. Если будешь паинькой — и волоса с твоей головы не упадет.

— И девку свою выводи! — крикнули из толпы.

При слове «девка» Шаогун побледнел. Он с тревогой покосился на Умина. Тот, конечно, был мужчиной, но... он испугался, что эти дикари, увидев хрупкого, точно из нефрита выточенного юношу, могут зайти в своих намерениях слишком далеко.

Делать нечего, оставался последний козырь.

— Нет у меня в карете никаких девиц! — выкрикнул он.

Заслонив собой Умина, Шаогун решительно откинул полог и вышел наружу.

Кольцо обнаженных клинков мгновенно сомкнулось вокруг него. Шаогун зажмурился от нестерпимого блеска стали, но заставил себя стоять прямо:

— Почтенные, слышали ли вы о Союзе Неба и Земли?

Лес внезапно погрузился в мертвую тишину. словно на всех разбойников разом наложили заклятье немоты.

Шаогун, не понимая, что происходит, осторожно приоткрыл один глаз. Крупные, заросшие бородой мужики смотрели на него с нескрываемым ужасом. Они разинули рты, а их руки дрожали.

Раз никто не перебивал, он продолжил:

— Именно так. Тот самый Союз, где собрались все величайшие силы — солевые караваны, чайные пути... Главу его зовут Е, и, полагаю, в лишних представлениях он не нуждается. Я — его гость, и у меня есть приглашение.

Раздался звон — это тяжелая стальная сабля выпала из рук главаря. В следующее мгновение Хэ Ваньли с грохотом рухнул на колени.

Шаогун невольно отшатнулся. Он надеялся, что имя Союза заставит их призадуматься, но такого эффекта не ожидал. Он ведь даже не успел достать свиток...

Лицо Хэ Ваньли исказила судорога. Он взглянул на Шаогуна и вдруг взвыл в отчаянии:

— Быстрее! Несите всё серебро сюда! Живо!

«Неужели им всё мало?» — сердце Шаогуна ухнуло в пятки. Он уже потянулся к поясу, чтобы отдать нефритовую подвеску, как вдруг двое разбойников подбежали, таща тяжелый сундук из красного дерева, перепачканный грязью.

Крышку откинули — внутри грудой лежали украшения, золото и монеты.

— Это... это то, что мы отбили у караванов Ро на севере! Умоляю, господин, примите это! Я только недавно встал на этот путь, бес попутал... я ведь знал, что вы не владеете боевыми искусствами, и всё равно посмел пригласить вас «в гости» на гору... Нарушил все законы... Нет мне прощения!

Шаогуна застыл в оцепенении. Богатство его не пугало, он вырос в нем. Его поразило другое: Хэ Ваньли, не переставая молить о пощаде, вдруг схватил кинжал и резким, выверенным движением пронзил собственное бедро.

Сталь вошла в плоть, окрасившись багрянцем. Один удар, второй, третий...

Разбойник даже не поморщился. Перехватив кинжал в другую руку, он так же методично искромсал вторую ногу.

— Остановись! Что ты творишь?! — вскричал Шаогуна, содрогаясь от ужаса.

— Виноват один — один и в ответе! — Хэ Ваньли отшвырнул кинжал. Окровавленный, измазанный в грязи, он подполз к ногам Шаогуна на коленях и прохрипел, сгорая от отчаяния: — Хотите — убивайте, хотите — пытайте! Только умоляю... не трогайте мою жену и братьев с горы Байчжан!

В его глазах застыл такой первобытный страх, словно перед ним стоял не нежный книжный юноша, а кровожадное чудовище, привыкшее пожирать людей заживо.

Шаоугуна стало не по себе. Он растерялся — не от угрозы, а от того, что человек на его глазах искалечил себя.

— Послушай, у меня и в мыслях не было причинять тебе вред. Каждый может оступиться. Просто вернись к честной жизни, не грабь на дорогах. Раз ты так боишься Союза Неба и Земли, я обещаю: глава Е ничего не узнает об этой встрече. Он человек чести и не станет карать твою семью.

Хэ Ваньли лишь дико вскрикнул и занес ладонь над собственной головой, готовясь проломить череп.

Он не слышал слов Шаогуна. Он видел лишь одно: за спиной «милосердного» молодого господина в окне кареты мелькнуло болезненное лицо юноши, прежде чем тяжелая занавеска окончательно отрезала их от мира.

<http://bllate.org/book/17481/1692469>